

18+

Сашиа Мгин

Игра Каулена

Повесть-комбинация.
Машечная

Саша Игин

**Игра Каулена. Повесть-
комбинация. Шашечная**

«Издательские решения»

Игин С.

Игра Каулена. Повесть-комбинация. Шашечная / С. Игин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-692013-2

Перед вами — не учебник по шашкам, хотя дух игры пронизывает каждую страницу. Это повесть о гениях игры. О тех, чья жизнь, как шашечная партия, иногда подчиняется жёстким правилам, а иногда требует рискованной импровизации. Большинство шашкистов знают «игру Каулена», но мало что могут сказать о самом Фёдоре Альбертовиче Каулене. Его личная история, страхи, надежды, разочарования и смерть, ушли в небытие, осталась только геометрия его мысли. Именно об этом книга, которую вы держите в руках.

ISBN 978-5-00-692013-2

© Игин С.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие. К читателю	6
Часть I. Дебют (1854—1894)	8
Глава первая: Деревянные солдаты	8
Глава вторая. Учитель	10
Глава третья. Признание	12
Глава четвертая. Две дороги	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Игра Каулена

Повесть-комбинация. Шашечная

Саша Игин

© Саша Игин, 2026

ISBN 978-5-0069-2013-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие. К читателю

Перед вами – один из первых камней в основании долгожданного здания. Русской литературе, столь богатой на глубокие исследования человеческой души, странным образом не хватало целого материка – мира русских шашек.

Да, были шахматы – аристократы мысли, достойные сложных метафор, философских дуэлей и роковых страстей. Их доску мы видели в руках гроссмейстеров и безумцев, они служили изящной аллегорией судьбы и искусства. Но рядом, на соседнем столике в клубе, на кухне в заводском общежитии, на завалинке деревенского дома, кипела другая жизнь – жизнь шашечной доски. Её считали проще, народнее, демократичнее. Она мелькала в литературе эпизодически: как деталь быта у Гоголя, как штрих к портрету русского человека у Шукшина. Но всегда – фон, всегда – символ, никогда – вселенная.

А между тем, эта вселенная существует. Она огромна, сложна и обладает своими, особыми законами. Здесь есть своя поэзия комбинаций, своя драматургия позиционной борьбы, своя бездна, в которую можно заглянуть, передвинув простую шашку. И главное – здесь живут свои герои. Не боги с Олимпа, а плоть от плоти нашей земли – люди, преданно и бескорыстно любящие шашки. Для них эта игра – не просто хобби, но язык, страсть, судьба и способ существования.

Именно их судьбам, их страстям, их тихой игре, отзывающейся громом в жизни, и посвящён этот роман. Он – один из первых в серии, задуманной как долгое и внимательное путешествие в этот незнакомый литературный мир. Мир, где за кажущейся простотой черно-белых клеток скрываются целые человеческие трагедии, взлёты и падения, любовь и предательство.

Задолго до того, как шашки обрели статус официального вида спорта в советской России, под сводами купеческих клубов, в светских гостиных и на страницах столичных газет уже кипела настоящая шашечная жизнь. Это была особая вселенная со своими героями, страстями и драмами.

В дореволюционные десятилетия шашечные турниры собирали в залах Общества любителей шахматной игры в Петербурге и Москве десятки участников. Состязания длились неделями, а их результаты подробно освещались в периодике – от специализированных шахматно-шашечных отделов в «Ниве» и «Огоньке» до отдельных заметок в губернских ведомостях.

Появились и первые звёзды – Александр Шошин, Фёдор Каулен, Сергей Воронцов, Павел Бодянский – чьи имена знали любители по всей империи. Их партии анализировали, их стиль игры обсуждали в кружках, а сами они, подобно шахматистам, давали сеансы одновременной игры на несколько досок.

Шашечная жизнь той эпохи была зеркалом своего времени – с одной стороны, увлечение интеллигенции и мещанства, с другой – народная игра, живущая в трактирах и на постоянных дворах. Именно этот уникальный сплав создал ту самую почву, на которой позже выросла мощная советская шашечная школа.

На страницах предстоящих романов мы попытаемся оживить эту ушедшую эпоху, где за ходами шашечных фишек скрывались человеческие судьбы, азарт открытий и подлинная страсть к игре, которая, как оказалось, никогда не знала временных границ.

Перед вами – не учебник по шашкам, хотя дух игры пронизывает каждую страницу. Это роман о людях. О тех, для кого «ходить» – значит думать, чувствовать, принимать судьбоносные решения. О тех, чья жизнь, как шашечная партия, иногда подчиняется жёстким правилам, а иногда требует рискованной, ослепительной импровизации.

Ирония судьбы героя романа, Фёдора Альбертовича Каулена в том, что сегодня, спустя более века после его смерти, его личность постепенно стирается из памяти, в то время как его

игровые системы продолжают жить. Большинство шашистов знают «игру Каулена», но мало что могут сказать о самом Каулене. Его личная история, страхи, надежды, разочарования ушли в небытие, осталась только геометрия его мысли. Именно об этом роман, который вы держите сейчас в руках.

Тема давно назрела. Зрела в тишине клубов, в накале турнирных залов, в разговорах на лавочках после игры. И вот она впервые находит своё полное, развернутое воплощение в предлагаемой вам книге.

Мы открываем эту дверь. Добро пожаловать в мир русских шашек и шашистов. Мир, который был всегда рядом, но лишь теперь обретает свой голос в большой литературе. Прислушайтесь к нему.

Саша Игин – член Российского союза писателей

Часть I. Дебют (1854—1894)

Глава первая: Деревянные солдаты

Москва, 1872 год.

В доме Кауленов, что ютился в одном из переулков близ Покровки, время текло с той особенной, тягучей медлительностью, какая знакома лишь обитателям небольших квартир в каменных громадах. Казалось, сама пыль, лениво клубящаяся в узком луче октябрьского солнца, прорезавшем створку окна, не решалась нарушить установленный порядок. Порядок – вот основа бытия семьи обрусевшего немца, Альберта Карловича Каулена, коллежского регистратора, чья жизнь была измерена, как линованная бумага, строками отчетов и параграфами инструкций.

Федору, сыну его, минуло в ту осень десять лет. Мальчик был тих, застенчив и неловок, как все дети, выросшие под строгим взором отца, для которого любое проявление чувств, любая излишняя живость считались признаком дурного воспитания. Мир Федора ограничивался стенами квартиры из четырех комнат, видом из окна на кирпичную стену соседнего флигеля да обязательными воскресными прогулками с матерью, Анной Петровной, в сопровождении няньки, по тем же, из года в год, маршрутам.

Вечера были особенно тягостны. Альберт Карлович, вернувшись со службы, молча поглощал скромный ужин, затем удалялся в кабинет – маленькую комнатку, заставленную шкафами с делами, – где в полной тишине, прерываемой лишь скрипом пера и мерным тиканьем стальных часов немецкой работы, занимался перепиской бумаг. Анна Петровна, женщина с угасшим взором, сидела в гостиной над вечным вязанием или чтением какого-нибудь благочестивого журнала. Воздух был густ от скуки, столь плотной, что, казалось, ее можно было резать ножом.

И вот однажды, в один из таких вечеров, когда отчаяние от бессмысленно тянущегося времени стало для Федора почти физической болью, он, роясь в старом комодe на антресолях, где хранились ненужные вещи, наткнулся на плоскую картонную коробку. Она была перевязана выцветшей лентой и покрыта тонким слоем забвения. Мальчик, озираясь, словно совершая преступление, развязал ленту и приподнял крышку.

Внутри, на бархатном ложе, поблекшем от времени, лежали солдаты. Но не обычные оловянные гранатеры, а плоские, круглые, деревянные, разделенные на светлые и темные. Они были выточены аккуратно, с какой-то древней, добротной простотой. Под ними лежал лист бумаги в крупную клетку. Это были шашки.

Федор замер. Он слышал о такой игре – где-то в трактирах, в людских, мужчины азартно стучали фигурами, но в их доме, где развлечения почитались пустым времяпрепровождением, подобного быть не могло. Чьи они? Дяди, умершего давно? Или принадлежали самому Альберту Карловичу в те далекие годы, когда он был еще просто Альбертом, а не коллежским регистратором?

Осторожно, боязливо, мальчик вынул одну фигурку. Она была теплой, гладкой, приятно тяжелой в ладони. Он поставил ее на клетку нарисованной доски. И тут случилось чудо. Ничто вокруг не изменилось: все так же доносился из кабинета скрип пера, так же тикали часы в гостиной, но в душе Федора что-то дрогнуло и распахнулось.

Он не знал правил. Но сам вид этого строгого чередования черных и белых полей, эта симметрия, этот молчаливый строй деревянных дисков говорили о ином миропорядке. Не о хаосе жизни с ее непонятными взрослыми указаниями, внезапными гневными вспышками отца, слезами матери, скукой долгих дней. Здесь, на этих шестидесяти четырех клетках, царила ясность. Здесь все было на своих местах. Было начало, были правила, была цель.

Он расставил фигуры, как подсказало ему чутье, на темные клетки. Светлые и темные армии выстроились друг против друга в идеальном, геометрическом безмолвии. Мир переулков, мир строгих правил без их внутренней логики, мир подавленных вздохов и невысказанных слов – все это отступило, поблекло. Федор заглянул в волшебное окно.

И увидел мир логичный и справедливый. Мир, где ход каждого солдата подчинен закону, где нет места произволу, где от твоего ума и расчета зависит победа или поражение. Мир, где даже дамка, достигнувшая последнего ряда, – не проявление милости судьбы, а законная награда за верную тактику. Это была не игра. Это было откровение.

Внизу слышались шаги. Федор вздрогнул и, словно очнувшись от прекрасного сна, быстро, но бережно уложил фигурки обратно в коробку, завязал ленту и спрятал находку на прежнее место. Но в душе его уже бушевал пожар. Темные глаза, обычно потупленные, теперь горели тихим, но неугасимым светом.

Он спустился вниз, к столу, где его ждал неоконченный урок по арифметике. Цифры на странице вдруг обрели новый смысл – они стали ходами, комбинациями, расчетами. Даже строгий голос отца, спросившего, все ли задания выполнены, не вызвал в нем привычного страха. Федор поднял на Альберта Карловича свой новый взгляд – взгляд человека, нашедшего тайную карту сокровищ.

«Все, папа», – тихо, но твердо ответил он.

А в голове его, четко и ясно, выстраивались ряды деревянных солдат. Темных и светлых. На черных клетках. В мире строгих, но понятных и честных правил. В мире, который отныне принадлежал только ему.

Глава вторая. Учитель

Лето 1854 года выдалось знойным, словно сама природа противилась мрачным вестям, приходившим из Крыма. Но для Фёдора Каулена, пятнадцатилетнего отрока, горевшего иной, тихой страстью, жара была нипочём. Он сидел в тени раскидистого клёна на краю городского сада, уставившись на расчерченную на шестьдесят четыре клетки доску. Перед ним лежала потрёпанная тетрадь с диаграммами, вырезанными из «Шахматного листка» и аккуратно вклеенными густым мучным клейстером. Он разыгрывал партию за партией, пальцы дрожали от волнения, перемещая деревянные шашки, каждая из которых казалась ему живым существом со своим характером.

Именно здесь, в этом самом уголке сада, где воздух был густ от запаха нагретой смолы и полевых цветов, он и увидел Его впервые.

Мужчина лет пятидесяти, с проседью в тёмных бакенбардах и спокойным, пронзительным взглядом, наблюдал за ним исподволь. Одет он был скромно, но с неизъяснимой чистоплотностью: сюртук слегка поношенный на локтях, но безукоризненно вычищенный, высокий крахмальный воротничок. В руках он держал изящную трость с серебряным набалдашником.

– Юный человек, – раздался у него за спиной мягкий, но твёрдый голос, – позвольте полюбопытствовать. Вы ведь разыгрываете позицию из матча Денисова с Петровым, партию шестую?

Фёдор вздрогнул, обернулся и замер. Он узнал этого человека. Ещё бы! В газетах, которые он тайком проглатывал в читальне, печатали его портреты. Василий Васильевич Воронцов. Чемпион. Легенда.

– Так точно, Василий Васильевич, – выдохнул Фёдор, вскакивая с лавочки и роня несколько шашек. – Простите, я... я не думал, что...

– Что живой классик шашек прогуливается по нашему захолустному саду? – Воронцов усмехнулся, и в глазах его мелькнула добрая усмешка. – Садитесь, прошу вас. Продолжайте. Мне весьма интересно, как вы трактуете этот эндшпиль.

Так началось их знакомство. Воронцов, вопреки ожиданиям Фёдора, не был высокомерным истуканом славы. Он оказался терпеливым, даже педантичным рассказчиком. Каждая встреча – по четвергам, после обеда, – превращалась в урок. Урок не просто игры, а целого миропонимания.

– Забудьте, Фёдор, о грубой силе, – говорил Воронцов, расставляя шашки для новой задачи. – Шашки – это не драка на кулаках. Это беседа. Беседа умов. Смотрите: вот простое начало, «Кол». Кажется, ничего особенного. Но в этой простоте – десятки дорог. Одна ведёт к спокойному позиционному маневрированию, другая – к острейшей комбинационной буре. Выбирать путь должен не случай, а вы. Ваш ум. Ваш характер.

Он открывал перед мальчиком красоту, скрытую от непосвящённых. Он показывал, как из скромного «городка» рождается грозная атака, как жертва двух-трёх простых шашек в середине игры расчищает путь к победному финалу, подобно тому, как жертвуют шашками, чтобы открыть линии для прохода шашек в дамки.

– Середина игры, Фёдор, – это импровизация на заданную в дебюте тему, – наставлял он. – Здесь нужна не только память, но и фантазия. Видеть не только то, что есть, но и то, что может быть. А окончание... – Василий Васильевич прищурился. – Окончание – это математика души. Хладнокровие, точность, выверенность каждого шага. Тут нет места суете. Торопливый проигрывает.

Для Фёдора эти часы были побегом из реальности. Реальности, где отец, крепкий, грубоватый, ставший недавно купцом второй гильдии, Альберт Каулен, всё чаще ворчал, заставляя сына за доской.

– Опять в свои пустяки уткнулся! – гремел его голос, наполняя тесный кабинет с резной мебелью и тяжёлыми портьерами запахом табака и раздражения. – Книги торговые изучать надо, конторские книги! Дело, Фёдор, дело! А ты – в бирюльки играешь! Игрушки! Вон из газет пишут – война, государству мужики нужны, а не шашечники!

Фёдор молчал, сжимая в кармане любимую, отполированную до блеска шашку – подарок Воронцова. Он не смел противоречить, но внутри всё закипало. Для отца игра была пустой забавой, уделом бездельников и мечтателей. Для сына – целым миром, где он был не неуклюжим, застенчивым отпрыском купца, а мыслителем, стратегом, творцом. Миром, где он мог самоутвердиться, почувствовать себя значимым.

Воронцов, словно угадывая эту внутреннюю борьбу, однажды сказал ему после особенно изящно проведённой комбинации:

– Игра, Фёдор, – это не побег от жизни. Это её концентрат. Здесь есть и долг, и расчёт, и риск, и награда за терпение. Здесь тоже есть своя честь. Помни: доска – это твоё поле. И за свои решения на нём ты отвечаешь один. Так же, как и в жизни.

Эти слова Фёдор заучил как молитву. Они грели его в минуты отчаяния, когда отец, разъярённый очередной «проваленной» проверкой товарных остатков, кричал, что выбросит «эту дурацкую доску к чёртовой матери». Шашки стали не просто увлечением. Они стали тихой, упорной формой протеста, единственным путём, на котором он мог идти не по отцовским, а по своим следам.

Именно Воронцов открыл ему главный секрет: красота комбинации – не в эффектности взятия, а в её неизбежности. В том, как тихий, почти незаметный ход, сделанный двадцать минут назад, вдруг обретает сокрушительную силу, предрешая исход всей баталии. Это была мудрость, философия, поэзия, заключённая в строгие клетки. Учитель дарил ему не просто знания, а новый язык, на котором застенчивый мальчик мог, наконец, громко и ясно заявить о себе – пусть пока только в пределах шестидесяти четырёх тёмных и светлых квадратов.

Но Фёдор ещё не знал, что самые сложные партии разыгрываются не на деревянной доске, а в человеческом сердце. И что уроки Воронцова о чести, терпении и неизбежности предстояло ему выучить не в игре, а в суровой школе самой жизни, которая уже готовила свои, куда более жестокие, комбинации.

Глава третья. Признание

Тихая осень 1881 года накрыла Петербург серым, влажным покрывалом. В казенной квартире на окраине Васильевского острова, где поселился со своей кроткой супругой Марьей Федоровной двадцатилетний бухгалтер Федор Альбертович Каулен, уже зажгли лампу. Сумерки наступали рано, и в комнате, кроме скрипа пера по бумаге, не было слышно иных звуков. Федор Альбертович заканчивал подсчеты по книге доходов и расходов маленького акцизного управления, где служил без малого восемь месяцев.

Он был человеком неприметным – среднего роста, с каштановой прядью в тщательно приглаженных волосах, в неизменном скромном сюртуке. Жизнь его текла размеренно и предсказуемо: служба, дом, редкие визиты к немногим знакомым. И лишь одно тайное пламя теплилось в этой строго распланированной жизни – страсть к шашкам. Каждый вечер, закончив служебные и домашние дела, он раскладывал на столе самодельную шашечную доску и погружался в мир комбинаций и замыслов, отрешаясь от серой обыденности.

Марья Федоровна, тихая женщина с нежными глазами, наблюдала за ним иногда из-за шторы. Она знала эту его страсть, снисходительно называла «игрушкой», но в глубине души тревожилась: не пустое ли это занятие, не грех ли тратить часы на забаву, когда можно было бы читать душеполезные книги или молиться? Но она никогда не упрекала мужа. Он был добр, не пил, обеспечивал дом – чего же более?

Той осенью произошло событие, которое Федор Альбертович долго потом вспоминал с замиранием сердца. В один из воскресных дней он, как обычно, посетил клуб на Фонтанке, где собирались любители шашечной игры. Там, в дымной комнате, за чашками чая, разворачивались нешуточные баталии. Каулен уже пользовался здесь уважением – его точная, глубокая игра, галантность в обращении с противниками снискали ему тихую славу среди знатоков.

После одной из партий, когда Федор Альбертович с обычной своей скромностью принимал поздравления с красивой победой, к нему подошел молодой энтузиаст, студент Политехнического института.

– Федор Альбертович, позвольте вам представить новую книгу! Только что из печати! – воскликнул юноша, протягивая небольшой томик в темно-зеленом переплете.

Каулен взял книгу. «Фоглер. Теория шашечной игры. С приложением партий и задач. 1881» – золотыми буквами было вытеснено на корешке.

– Очень любопытно, – тихо произнес он, перелистывая страницы. И вдруг рука его замерла. Взгляд упал на строчки, которые, казалось, излучали свет:

«...нельзя не упомянуть здесь о Фёдоре Альбертовиче Каулене, умелом шашисте, талантливым игроке в русские шашки, чьи партии отличаются изяществом замысла и тонкостью комбинаций. Его победа над известным мастером Н. в минувшем сезоне может служить образцом стратегического превосходства...»

Сердце забилось так громко, что Федор Альбертович опасался, будто его слышат окружающие. Кровь прилила к лицу. Он перечитал эти строки еще раз, потом еще. Мир вокруг будто замер, потерял очертания. Фоглер! Сам Фоглер, чьи труды он изучал с таким благоговением, упомянул его имя в своей книге! Это было не сонное видение, не игра воображения – вот они, четкие типографские буквы, сложенные в его имя.

– Что с вами, Федор Альбертович? Вы побледнели, – озабоченно спросил студент.

– Ничего, ничего... Просто... взволнован, – выговорил Каулен, с трудом находя слова. Он ощущал странную смесь восторга и неловкости, будто его застали в чем-то неприличном. Ведь он – скромный бухгалтер, человек, чья жизнь протекала в тени канцелярских бумаг, – был теперь запечатлен на страницах книги!

Весь вечер он провел в каком-то упоительном тумане. Партии игрались механически, мысли были далеко. И когда он возвращался домой по темным осенним улицам, держа драгоценный томик под мышкой, в душе его бушевала настоящая буря. Первый луч славы, как назвал он это чувство про себя. Первое признание.

Дома, когда Марья Федоровна уже спала, он зажег свечу и вновь открыл книгу. Перечитывал тот абзац снова и снова, почти не веря своим глазам. Неприметность его будничной жизни – эти бесконечные колонки цифр, отчеты, счета – и вдруг такое! Внутренний триумф распирает его изнутри, он хотел кричать, делиться, но не с кем. Марья Федоровна не поймет, сослуживцы лишь удивятся чудачеству бухгалтера.

Он подошел к зеркалу и долго смотрел на свое отражение: все тот же скромный сюртук, все те же тщательно приглаженные волосы. Но внутри теперь жило нечто иное – ощущение собственной значимости, таланта, признанного не просто в узком кругу, а запечатленного для потомства.

Именно в эту ночь, под тиканье стенных часов, в маленькой комнате, пропахшей капустой и лавандой, в душе Федора Альбертовича Каулена начали формироваться те спортивно-шашечные амбиции, которые уже не укладывались в рамки тихого хобби. Мечты, еще смутные и робкие, зашевелились в нем: а что, если попробовать свои силы на всероссийском поприще? Участвовать в турнирах, составить сборник своих партий, разработать собственную систему?

Он приоткрыл форточку. Холодный ночной воздух ворвался в комнату, пахнувший дымом и опавшими листьями. Где-то вдалеке прозвучал свисток ночного сторожа. Петербург спал. Но Федор Альбертович Каулен не спал. Он стоял у окна, глядя на редкие огни в темноте, и впервые за долгие годы ощущал себя не просто винтиком в огромном механизме жизни, а личностью, чье имя уже начало свой тихий, но неотвратимый путь в бессмертие.

«Фоглер упомянул, – шептал он сам себе, и губы его растянулись в непривычной, счастливой улыбке. – Фоглер упомянул».

И где-то глубоко внутри, под грузом лет, обязанностей и будничной рутины, проснулся и расправил крылья молодой, честолюбивый дух – дух игрока, мастера, творца. Трагедия же его заключалась в том, что пробудился он слишком поздно, когда треть спортивной жизни была уже прожита, а век, отпущенный судьбой, неумолимо отсчитывал свои последние десятилетия. Но этого Федор Альбертович пока не знал. Он знал лишь сладкий, опьяняющий вкус первого признания – и этого было достаточно, чтобы зажечь в его душе новое, великое пламя.

Глава четвертая. Две дороги

Осенью 1871 года над Петербургом висели низкие, пепельные тучи, но в просторном кабинете дома Воронцовых на Фурштадской было светло и тихо. Воздух, пропахший старыми книгами, мастикой для паркета и тончайшим табачным дымом, казался Федору Каулену густым, почти осязаемым. Он сидел напротив Василия Ильича Воронцова, и на столе между ними, на изрядно потертом сукне, стояла шашечная доска с незавершенной партией.

Василий Ильич, седой, с лицом, изрезанным глубокими морщинами-трещинами, больше похожий на умудренного старца-отшельника, нежели на прославленного мастера, медленно передвинул простую. Его рука, узловатая от подагры, была удивительно тверда.

– Твой ход, Федор. Не торопись. Шашки – не пожар. Бегут от огня, а к уму – идут с раздумьем.

Федор кивнул, устремив взгляд на доску. Здесь, в этой комнате, он чувствовал себя иначе, чем в шумном трактире «Ямайка», где обычно играл на деньги. Здесь царил иной культ – культ красоты мысли, строгости комбинации, почтительного внимания к противнику. Этому его учил Василий Ильич. Учил терпеливо, без снисхождения, но и без высокомерия. Он, сын крепостного садовника, выросший в людской, стал для патриарха русских шашек не просто учеником-выскочкой, а... Федор боялся произнести даже мысленно слово «преемник». Это место, по праву крови и традиции, принадлежало Сергею.

Дверь бесшумно отворилась, и в комнату вошел сам Сергей Воронцов. Высокий, стройный, в отлично сшитом сюртуке, он нес в себе ту небрежную уверенность, что дается только рождением в своем мире. Его взгляд, светлый и насмешливый, скользнул по Федору, по доске, по отцу.

– Продолжаете мучить моего грозного соперника, батюшка? – Легкая улыбка тронула его губы.

– Учу, – без интонации ответил Василий Ильич, не отрывая глаз от доски. – А мучить будете вы его сами, на турнире в Москве. Даст Бог.

Сергей подошел, облокотился о спинку отцовского кресла. Федор почувствовал знакомое смутное напряжение. Их отношения с Сергеем были подобно этой осенней погоде – в них постоянно сменяли друг друга прояснения и грозные заряды. Они были дружны, эта дружба зародилась еще в отрочестве, когда Василий Ильич взял талантливого юношу под свое крыло. Вместе они изучали старинные манускрипты партий, вместе гуляли по Летнему саду, горячо споря о дебютах. Сергей, в своем барском снисхождении, даже ввел Федора в круг своих знакомых, что вызывало у того смесь гордости и жгучего стыда за свой выцветший сюртук и грубые манеры.

Но за всем этим всегда тлело соревнование. Сергей был блестящим тактиком, его стиль сравнивали с фехтовальной шпагой – изящным, точным, смертоносным уколом. Федор же играл с медвежьей, казалось бы, силой и неожиданной, пугающей глубиной замысла, словно копал под противником невидимый подкоп. Он выигрывал у Сергея примерно в половине их товарищеских партий. И каждую такую победу Сергей, при всей светскости, переживал с трудом. В его глазах вспыхивала холодная искорка, и шутка становилась чуть острее.

– Федя собрался побить нас всех в Москве, – сказал Сергей, беря со стола пепельницу и подавая отцу. – У него уже вид чемпиона. Суровый, как северный гранит.

– Вид – не главное. Главное – здесь, – Василий Ильич постучал пальцем по виску, а затем положил руку на сердце. – И здесь. Шашки – игра честная. Они обнажают душу. Алчность, тщеславие, трусость – все становится видно в тридцати двух клетках.

Федор нашел ход, тихий, почти незаметный. Василий Ильич долго смотрел, потом медленно, с одобрением, кивнул.

– Вот. Это по-нашему. Не бряцать, а ставить. Сергей, учись. Твой блеск иногда ослепляет тебя самого.

Легкая тень пробежала по лицу Сергея. Федор почувствовал неловкость. Он не хотел, чтобы его хвалили за счет сына учителя. Эта похвала обжигала, как упрек.

Вечером они остались вдвоем. Сергей приказал подать в бильярдную чай и ром. Дождь забарабанил в оконные стекла.

– Отец тебя боготворит, – негромко произнес Сергей, раскуривая папиросу. – Видит в тебе шашечный мастерик, новую землю. Продолжателя дела. Его дела.

– Он добр ко мне, – уклончиво сказал Федор. – Я ему обязан всем. Без него я бы так и остался трактирным игроком.

– Да, обязан, – согласился Сергей, и в его тоне послышалась та самая сталь, что бывала в его лучших партиях. – Но долг – тяжелое бремя, Федор. Особенно когда его на тебя возлагают с такой... отеческой нежностью. Ты должен оправдать ожидания. Всегда. При любых обстоятельствах.

Он подошел к бильярдному столу, без интереса толкнул кием шар.

– На московском турнире мы будем играть всерьез. Не как в детской. Отец хочет, чтобы ты победил. Я чувствую. Он хочет, чтобы мир увидел: его школа, его метод торжествуют, даже если носитель их – не Воронцов по крови. Это его последний и главный триумф.

– А ты? – спросил Федор, глядя на своего друга-соперника.

– Я? – Сергей усмехнулся. – Я буду играть, чтобы выиграть. Ради себя. Ради имени, которое ношу. Мне нечего доказывать, кроме того, что я – лучший. И я им буду.

В его словах не было злобы. Была простая, безжалостная констатация. И в этот момент Федор с болезненной ясностью осознал пропасть между ними. Для Сергея шашки – это слава, продолжение рода, искусство. Для него, Федора, – единственный способ вырваться из тьмы, доказать, что он не пустое место. Его амбиции кормились не честолюбием, а голодом. Голодом по признанию, по праву стоять рядом с такими, как они.

Московский турнир 1872 года стал для него пыткой и триумфом. Зал Дворянского собрания, блеск люстр, шелест платьев, важные лица. Федор, в новом, скроенном на последние деньги сюртуке, чувствовал себя букашкой под стеклом. Василий Ильич, приехавший в качестве почетного судьи, был спокоен и строг. Сергей – элегантен и небрежен, как всегда.

Они встретились в финале. Вся публика, вся шашечная Россия ждала этой партии: блестящий аристократ против гения из низов. Ученик против ученика. Брат против брата.

Партия длилась пять часов. Сергей атаковал с изумительной грацией, его игра была поэмой, высеченной в кости и дереве. Федор отступал, копил силы, терпел. Он видел бледность лица Василия Ильича на трибуне, его сжатые на трости пальцы. Он видел холодную сосредоточенность в глазах Сергея. И в какой-то момент, в глубоком эндшпиле, когда преимущество Сергея казалось неоспоримым, Федор нашел ход. Один-единственный ход, рожденный не в светлых салонах, а в душных трактирах, в отчаянной борьбе за медный грош. Ход-ловушка. Ход-подкоп.

Сергей не увидел его. Он двинул шашку с той самой уверенной небрежностью, и через мгновение замер, с изумлением глядя на доску. Тишина в зале стала абсолютной. Затем раздался сдержанный вздох, шепот знатоков, понявших неизбежное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.